

ГВИН ДЖОНС

ВИКИНГИ

ПОТОМКИ ОДИНА
И ТОРА

ЗАГАДКИ ДРЕВНИХ НАРОДОВ

Гвин Джонс

Викинги. Потомки Одина и Тора

«Центрполиграф»

УДК 94(368)
ББК 63.3(0)4

Джонс Г.

Викинги. Потомки Одина и Тора / Г. Джонс —
«Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5397-5

В книге собран уникальный материал из истории эпохи викингов. Рассказано о беспрецедентной экспансии на запад, в поисках неведомых земель, жителей Скандинавии, которые говорили на одном наречии, исповедовали одну религию, признавая сходные законы, и в течение трех столетий вели жестокие войны на море и суше Западной Европы. Данные археологических исследований, анализ литературных памятников и исторических свидетельств призваны создать многомерный образ викингов.

УДК 94(368)

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5397-5

© Джонс Г.
© Центрполиграф

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	16
Часть вторая	32
Глава 1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Гвин Джонс

Викинги. Потомки Одина и Тора

Часть первая

Северные народы в период до 700 г. н. э

Глава 1

От истоков до эпохи великого переселения народов

Скандинавские страны – Швеция, Дания и Норвегия – носят эти имена уже тысячу с лишним лет и имеют свою, еще более долгую, историю. История эта далеко не всегда отражена в письменных памятниках, но каждый ее этап внес определенный вклад в формирование северных народов и королевств, знакомых нам по эпохе викингов. Двенадцать тысячелетий назад, в ранний послеледниковый период, люди расселились в пригодных для жизни областях Скандинавии: они занимались охотой и собирательством, ловили рыбу; оставшиеся от них кремниевые орудия и олени рога находят в Дании неподалеку от Бромме, к северо-востоку от Соре (на о. Зеландия), в Швеции в Сконе и Халланде, в Норвегии в Эстфольде, восточнее Ослофьорда. Им же, как выяснилось, принадлежат артефакты, обнаруженные на юго-западном и западном норвежских побережьях (от Бергена до Трандхейма). Артефакты относятся к Фосна культуре, и ее носители, вероятно, пришли в эти земли с юга. Севернее, на берегах Северного Ледовитого океана обнаружены следы людей Косма культуры, родина которых неизвестна. Когда речь идет о столь отдаленных временах, нет смысла говорить о национальностях или народах, но эти охотники, рыбаки и собиратели с юга, которые знали (или с течением веков узнали) лук и стрелы, нож, скребок, гарпун и копье, научились делать обтянутые кожей лодки, у которых, вероятно, появились первые домашние животные – огромные, волкоподобные собаки из Маглемосе и Свердборга – и которые хоронили умерших в неглубоких могилах поблизости от своих жилищ, – именно они были дальними предками «скандинавов», и их образ жизни, вполне соответствующий внешним условиям, был характерен для северян еще многие и многие тысячелетия. Достаточно недавно норвежские ученые обнаруживали параллели древней культуре скандинавских охотников не только у финских саамов, но и у обитателей северных районов Норвегии.

Да, эти полупризрачные странники из северных пустошей, оставившие нам свои высеченные в камне изображения, поневоле внушают трепет. Но одна из самых поразительных их черт – их абсолютная непохожесть на викингов. Мы не будем касаться вопроса о том, каким образом перемены в климате, природной среде и общественной практике, дополнявшиеся внешними культурными влияниями, давали толчок к развитию скандинавских народов. Ровно так же нам нет необходимости перебирать поколение за поколением охотников и рыбаков, создателей кремниевых орудий, лесорубов, скотоводов и земледельцев, строителей дольменов и дюссов, мастеров, торговцев и переселенцев, чьи жизни покрывают десять тысячелетий предыстории севера – вплоть до 1500 г. до н. э.

В начале бронзового века, как свидетельствуют палео-антропологические исследования, люди дальних северных областей, обитавшие в районе Варангерфьорда, принадлежали к тому же «северному» типу, что и жители Ослофьорда на юге. Для Дании и южных частей Скандинавского полуострова то был период относительного благоденствия. Социальные преобразования, изменения верований, расцвет ремесел, характерные для этого времени, интересны не

только сами по себе, но и как своего рода предвестье будущего. За олово и медь, а также за золото, доставлявшиеся с дальнего юга, Дания расплачивалась ютландским янтарем, ценившимся очень высоко. Местные кузнецы и ремесленники вполне успешно соперничали со своими южными учителями в обработке бронзы, а порой и превосходили их. В археологии эпоха бронзы представлена щедро и во всей полноте: оружие и украшения, предметы культа, такие, как бронзовая шестиколесная колесница из Труннхольма: в повозку впряжен конь, а на ней помещен бронзовый золоченый диск, символическое изображение солнечного бога, свершающего свой путь по северным небесам; или длинные, тонкие изящные луры – подлинный непревзойденный шедевр литейного ремесла.

Своеобразным дополнением к ним служат рисунки-петроглифы, встречающиеся в Скандинавии практически повсюду южнее воображаемой линии, соединяющей Трандхейм и шведский Уплэнд. На скальных выходах Богуслена и каменных стенах погребальной камеры в Чивике мы находим те же артефакты, но уже в деле. Мы видим людей с мечами и топорами, копьями и луками; гребцов на кораблях с похожими на клюв носом и кормой (и всегда без парусов); многочисленные изображения солнца – на корабле, в руках у человека или в повозке; колесницы и опять люди – сражающиеся, танцующие, кувыркающиеся, исполняющие религиозные обряды, – и почти у всех мужчин – огромный стоящий фаллос. Иногда попадаются изображения богов и жрецов, реже – женщин, зато в изобилии встречаются лошади, быки, собаки, змеи, олени, птицы и рыбы. Словом, перед нами настоящая картинная галерея давно ушедшей эпохи.

Наконец, о скандинавском бронзовом веке можно судить по захоронениям. Курганы насыпались или складывались из камней над погребальной камерой; погребальный инвентарь включал в себя не только оружие и украшения, но также сундуки, посуду, кубки, чаши и сиденья, а кроме того, одежды и ткани, чудом сохранившиеся до наших дней. Среди находок – кирты до колен, шерстяные плащи, обувь из ткани и кожи, конические войлочные шляпы, рубашки и жакеты, тканые юбки с бахромой, и что поразительнее всего – уцелевшие благодаря танину датских «дубовых колод» плоть, кожа и волосы владельцев всех этих вещей – мужчин и женщин; их тела и лица.

Концом бронзового века в Скандинавии считается 500 г. до н. э.: примерно в это время происходит постепенный переход к использованию железа. В переходный период меняется способ захоронений. На Готланде и Борнхольме наряду с сожжениями встречаются погребения иного типа. Над ними выстраивались ряды камней, имитировавшие контуры корабля, часто – с более высокими камнями на концах, символизирующими нос и корму (skibsastninger, «корабельные оградки», ед. ч. skibsastning). Вероятно, считалось, что мертвый отправляется в некое путешествие или, по крайней мере, что ему нужен корабль. Skibsastninger отсылают нас к прошлому, к петроглифам бронзового века и тому символическому значению, которое приписывалось кораблю в религиях средиземноморских народов. Но одновременно он служит и неким «напоминанием о будущем» – о викингских захоронениях в Линдхольм Хёйе, ладьевидных постройках Треллеборга, Аггерсборга и Фюрката в Дании, викингских «корабельных погребениях» Норвегии, шведских и готландских рунических камнях, и наконец – выпуклых стенах первой христианской церкви в Гренландии, в норманнском поселении Браттахлид в Эйриксфьорде.

В первые столетия железного века Скандинавия переживала упадок. Археология этого периода значительно беднее: золота мало, а серебра пока нет, погребальный инвентарь встречается реже и куда более скуден, votивные клады не представлены вовсе. Если граница распространения бронзы проходила примерно на 68° северной широты, железо достигает лишь 60° – примерно широты нынешних Осло и Уппсалы. Уровень мастерства ремесленников катастрофически падает.

Чем же был вызван регресс? В силу каких причин нарушились связи северных стран с югом? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно вспомнить, что в историографии данный период европейской истории определяется как «кельтский» железный век. Именно в то время кельтские народы, жившие в верховьях Рейна, бассейне Дуная и на территории нынешней восточной Франции, вторглись в Испанию, Италию, Венгрию, на Балканы и даже в Малую Азию, а на западе достигли берегов Атлантического океана и заселили Британские острова.

Кельтские военные вожди, которым требовались колесницы и конская упряжь, оружие и украшения, из чисто практических соображений покровительствовали мастерам и ремесленникам, изготавливавшим для них прекрасные вещи. При этом главной фигурой в кельтском обществе, безусловно, был и оставался воин, однако благополучие его целиком зависело от тружеников-землепашцев. Кельтские племена, с их слабой и неустойчивой политической организацией, не представляли сколько-нибудь серьезной угрозы для урбанизированного Средиземноморья. Однако нестабильность, которую они вносили в жизнь стран континентальной Европы, сказалась неблагоприятно на судьбах севера. Торговые и культурные связи между Скандинавией и этрусской и греческой цивилизациями оборвались, и на какое-то время северные страны оказались в изоляции.

В дальнейшем подобная ситуация повторялась не раз: географическое положение скандинавских стран, располагавшихся где-то на границе (а иногда и за пределами) ойкумены, обрекало их на роль аутсайдеров. Помимо всего прочего, Ютландия перестала быть главным поставщиком янтаря, а прусский янтарь не приносил дохода Зеландии и островам.

Немаловажную роль сыграли также климатические изменения. На протяжении всего бронзового века умеренно теплый и относительно сухой климат Скандинавии благоприятствовал ее экономическому и культурному развитию. Он позволял существовать вполне безбедно и людям, и тем диким зверям и птицам, на которых они охотились, добывая себе пищу. Границы возделанных земель и пастбищ расширялись, и одновременно развивалась культура земледелия. Быстрое и резкое ухудшение климата в начале железного века сказалось сильнее всего в северных районах; все источники единодушно указывают, что условия для жизни там были намного суровее, чем в Дании и южных частях Норвегии и Швеции. Главную проблему составляла, вероятно, зимовка скота, но холода и постоянные дожди мешали, в общем, любой деятельности. Если таинственная земля Туле, упоминаемая греческим географом Пифеем Массалийским, реально представляет собой некую часть западного побережья Норвегии, его описание, вероятно, относится именно к этим трудным для северян временам. Тяжелый плуг, грубый хлеб, смертоносное оружие и длинные штаны, отмеченные как отличительные признаки скандинавов в европейских исторических и географических сочинениях, появились под давлением суровых внешних обстоятельств.

Пифей, исследовавший берега Европы от Кадиса до Дона, в 330–300 гг. до н. э. отправился в путешествие на северо-запад, которое затем описал в своем трактате «Об океане». Этот труд не сохранился, и все наши сведения по данному вопросу весьма сомнительны. После шестидневного плавания на север от Британии, сообщает Пифей (точнее, невежественные и пристрастные географы более поздних времен, пересказывающие его сочинение), он добрался до земли, которая лежит, судя по всему, у самого Северного Полярного круга. Ее населяют варвары, живущие земледелием. У них мало скота, зато есть просо и травы, корни и плоды. Из зерна и меда они готовят некий возбуждающий напиток, причем зерно молотят в помещениях, поскольку дожди в тех местах идут так часто, что молотить под открытым небом нет возможности.

Впрочем, Пифей, повествуя о своем северном путешествии, описывает и другие, более приветливые земли. Он упоминает о янтарном острове Абалус (Хелиголанд?), обитатели которого продают дары моря народу, называемому тевтонами. Пифей рассказывает также об ингвеонах, а кроме того, о готах или гутонах. Тевтоны, судя по всему, жили на северо-западе

Ютландии, на территории современного датского округа Тю, между Лимафьордом и Яммербутом. Восточнее, в Химмерланде, между Лимафьордом, Мариагерфьордом и Каттегатом, предположительно обитали кимвры.

Упоминания об этих двух народах подводят нас ко второму этапу во взаимоотношениях скандинавских народов раннего железного века и развитых культур Средиземноморья. В течение нескольких десятилетий, предшествовавших 100 г. до н. э., тевтоны и кимвры постоянно воевали с римскими армиями в Галлии, Испании и северной Италии и нередко выходили в этих сражениях победителями. Кровавый и разрушительный обряд, которым кимвры отмечали свою победу над римлянами при Аравсионе (совр. Оранж) в 105 г. до н. э. описан Орозием в его «Всемирной истории»:

«Враги (кимвры), захватив оба лагеря и огромную добычу, в ходе какого-то неизвестного и невиданного священнодействия уничтожили все, чем овладели. Одежды были порваны и выброшены, золото и серебро сброшено в реку, воинские панцири изрублены, конские фалеры искорежены, сами кони низвергнуты в пучину вод, а люди повешены на деревьях – в результате ни победитель не наслаждался ничем из захваченного, ни побежденный не увидел никакого милосердия»¹.

В I в. до н. э. победный ритуал кимвров описал Страбон. Их жрицы, старые женщины, одетые в белое, надевали на пленников венки, а потом вели их к огромному бронзовому котлу. Там одна из них, стоя на лестнице или возвышении с мечом в руке, по очереди перерезала пленникам горло, предварительно заставив жертву нагнуться над краем котла, так чтобы жертвенная кровь, использовавшаяся, кроме того, для прорицаний, стекала в него. Похожая сцена изображена в числе прочих на серебряной чаше из Гундерструпа, найденной на родине кимвров, в Химмерланде, в Ютландии, и сама чаша (прекрасная работа кельтских мастеров II–I вв. до н. э., привезенная, вероятно, из Франции или юго-восточных земель), возможно, использовалась для тех же ужасных целей. В сочинениях классических авторов содержится немало указаний на то, что вторжения воинственных скандинавов всерьез испугали европейцев. С какого-то момента в них участвовали не только тевтоны и кимвры. И опять-таки подобная ситуация повторялась затем не раз: неурядицы в северных землях грозили неисчислимыми бедами тем, кто жил далеко к югу. Отчасти именно экономические трудности (хотя и не только они) вынудили лангобардов покинуть Сконе и отправиться в странствия, приведшие их к концу VI в. через низовья Эльбы и Дунай в Италию. Бургунды, жившие, по весьма недостоверным свидетельствам, в Борнхольме (Боргундархольм) в надежде на лучшее будущее переселились в северо-восточные области Германии, в то время как ругии из Рогаланда, в юго-западной Норвегии (идентифицировать их сколько-нибудь определенно не представляется возможным), обрели более радужное настоящее на южном побережье Балтийского моря. Готы, обитавшие на территории современных шведских Эстер- и Вестерьётланда (хотя предположение, что их родиной был остров Готланд, представляется весьма спорным), снискали себе новую родину и известность в северной Германии. Могущество кельтов шло на убыль; народы, которые Посейдоний Апамейский именует германцами, продвигались на юг в поисках земли, богатства и военной добычи, а также возможностей торговать, грабить и совершать подвиги. Скандинавия, большой остров Скандза, которую Иордан позднее назовет «мастерской (officina) племен и утробой (vagina) народов», впервые заявила о себе в таком качестве.

Следующая фаза железного века в Скандинавии, римская, примерно соответствует первым четырем векам христианства. Южное влияние и на сей раз оказалось плодотворным: народы севера восстали из материальной и духовной нищеты. Кельты отступили под натиском римских армий. Новые властители Средиземноморья отвоевывали себе территории, а герман-

---

¹ Цит. по: Павел Орозий. История против язычников / Пер. В.М. Тюленева. – СПб., 2002.

ские племена продвигались все дальше на юг – и эти две силы неизбежно должны были прийти в соприкосновение. Встречи на Дунае и Рейне порой происходили мирно, порой приводили к военным столкновениям. Культурные контакты были особенно тесными в королевстве маркоманов в Богемии, имевшем обширные торговые связи с севером.

По Эльбе и Висле пролегали важные торговые пути – в Ютландию, к балтийским островам и в Швецию. Чуть в стороне проходил восточный путь, идущий с Черного моря, и, возможно, другие, в том числе пересекавшие территорию нынешней России, важность которых стала понятна после 200 г., когда готы сделались основными поставщиками материальных и культурных ценностей на север. Существовал также западный морской путь из Галлии через устье Рейна и Фризские острова в Гольштейн и оттуда в Скандинавию. Таким образом, Зеландия и соседние с ней острова оказывались в исключительно выгодном положении, и нет ничего удивительного, что именно там и на острове Фюн находят в погребениях превосходнейшую серебряную и бронзовую посуду (достаточно вспомнить богато украшенный ковш из захоронения в Хобю на Лолланде), кубки цветного стекла и чаши с цветными изображениями животных (прекрасные образцы обнаружены в Нордрупе, Варпелеве и Химлингёйе).

Погребальные обряды в очередной раз изменились. Кремация обнаруживается практически везде, но ингумация по римскому образцу также широко распространена. Наряду с мужскими встречаются и роскошные женские погребения: умершего хоронили с вином и пищей, чашами и посудой, кубками и кувшинами, словно приготовленными для богатого пира. Серебро и золото рекой текли на север, римские монеты в большом количестве попадали на Готланд, Сконе, Борнхольм и датские острова; и каждая вещь – будь то меч или застежка, филигрань, шпилька для волос или горшок – разжигала страсть честолюбивого соперничества в сердцах местных мастеров. На юг в обмен на все это уходили кожи и меха, янтарь, моржовый клык и рабы. А кроме того, война приносила не меньшую прибыль, чем торговля.

Постепенно, хотя и очень медленно, географы и этнографы с юга открывали для себя северные земли. На заре христианской эры император Август снарядил флот, который отправился за Рейн к северному побережью Германии, а оттуда вокруг Ютландии до Каттегата, в результате чего кимвры, харуды, семноны и другие германские народы этих земель «прислали вестников, ища дружбы со мною (Августом) и римским народом». В правление Нерона, около 60 г. н. э., другая флотилия вышла в Балтийское море; а чуть позже Плиний Старший включил в свою «Естественную историю» довольно путаное описание Коданского залива за Ютландией, со множеством островов, самый большой из которых – Skandinavia. У нас есть все основания идентифицировать этот остров Плиния с южной конечностью Скандинавского полуострова. В конце I в. н. э. Тацит располагал вполне конкретными и достоверными сведениями о наиболее известном из скандинавских народов – свионах. Свионы «помимо воинов и оружия... сильны также флотом. Их суда примечательны тем, что могут подходить к месту причала любой из своих оконечностей, так как и та и другая имеют у них форму носа». «Им свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, безо всяких ограничений повелевает царь»². Речь идет, очевидно, о свях (Sviar или Svéar), шведах Уплёнда, у которых уже существовали к тому времени внутривосточные связи, более тесные и прочные, чем у их соседей. Рядом с ними обитают ситоны, во всех отношениях похожие на свионов, с той лишь разницей, что они «пали до того, что над ними властвует женщина». Это, скорее всего, кайну-лайсет, квены «Саги об Эгиле», квенас Охтхере (Оттара) и короля Альфреда, чье племенное самоназвание, финское и лапландское, было неправильно истолковано как производное от древнескандинавского *kvan*, *kvaen* – «женщина» (мн. ч. *kvenna*). Из-за этого Квенланд – западное побережье Ботнического залива, к

² Цит. по: Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Пер. А.С. Бобовича, под ред. М.Е. Сергиенко. – М., 1969.

северу от Уплёнда, по недоразумению превратился в землю амазонок, terra feminarum Адама Бременского.

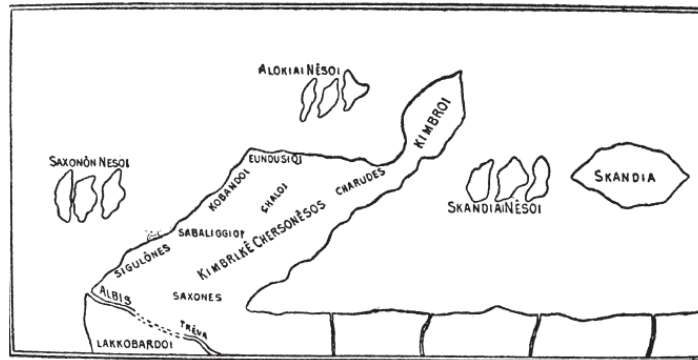

Рис. 1 Север Птолемея

К югу от Эльбы (Albis) живут лангобарды, к северу – саксы. На Ютландском полуострове обитают кимвры и харуды, остальные названия не поддаются идентификации. Справа (восточнее) Ютландии изображены датские острова и Сконе

В следующие пятьдесят лет имевшиеся сведения о севере систематизировал и пополнил Птолемей. К востоку от Ютландии, сообщает он, располагаются четыре острова, называемые Скандия. Три из них (вероятно, какие-то из датских островов) невелики, это Skandiadi nesoi; но тот, что лежит дальше всего к востоку, напротив устья Вислы – собственно Скандия – большой. Птолемей, должно быть, имеет в виду Скандинавский полуостров, и среди племен, населяющих его, он называет гоутай, в коих, вероятно, нам следует признать гаутов, и хайдейной, которых есть соблазн отождествить с хейднирами из Хейдмёрка в Норвегии. Обширные области на севере пока скрыты во тьме неведения, но облик некоторых важных регионов уже начинает вырисовываться яснее. А за абрисами германских племен маячат первобытно-дикивинные финны и саамы, их ближайшие северные соседи.

Далее, к сожалению, наши источники умалкают почти на четыре столетия, и лишь сочинения конца V – начала VI в. дают некое представление о том, что являли собой в ту далекую эпоху скандинавские земли. В VI в. Кассиодор, приближенный и советник остготского короля в Италии Теодориха (493–526), составил солидный исторический труд «Происхождение и деяния готов». А поскольку готы помнили о своем скандинавском происхождении, Кассиодор описывает север доброжелательно, хотя временами удивленно. Его книга не сохранилась, но ее сокращенное изложение содержится в «Getica» Иордана, созданной тридцатью годами позже. Снова мы читаем о большом острове Скандза, который населяет множество разных народов. Не все их можно идентифицировать, но прогресс в знании очевиден. На дальнем севере живут адогиты: в их землях летом в течение сорока дней не бывает ночи, а зимой царит непроглядная тьма. Там же на севере обитают скререфенны, которые не растят зерно, а едят мясо диких животных и птичьи яйца. Нам рассказывают о суэханс, или шведах, с их чудесными лошадьми и прославленными темными мехами, которые они присылают на римские рынки, и о прочих племенах, память о которых сохранилась в названиях шведских провинций: халлин (Халланд), лиотида (средневековый Лютгуд, современный Луггуд, возле Хельсингборга), бергио (возможно, Бьяре) и конечно же гаути-готы (Вестеръётланд?), и шведы, на сей раз именуемые суетидами. Называются также народы, живущие в Раумарике и Ранрике (нынешний Богуслен) и в Норвегии: граннии из Гренланда, аугандзы из Агдира, арохи из Хёрдаланда, ругии из Рога-ланда, над которыми «был немного лет тому назад королем Родвильф. Он, презрев свое королевство, укрылся под защиту Теодориха, короля готов, и нашел то, что искал». Эти племена, говорит Иордан, сражаются «со звериной лютостью» и превосходят германцев «как телом, так

и духом». Данное Иорданом описание народов Швеции и Норвегии более содержательно, чем прежние беглые заметки, и согласуется с данными современной археологии. Но мы обязаны ему не только этим. Тацит оставил нам важнейшее свидетельство касательно существования института королевской власти у шведов-свионов около 100 г. н. э. Сообщаемые Иорданом сведения о том, что дани или даны, жившие в VI в. в Дании, вытеснили оттуда эрулов (герулов), прежних ее обитателей или завоевателей, не менее значимы.

Шведы, сообщает Иордан, славятся как самый высокорослый из северных народов. Однако даны, принадлежащие к той же расе, что и шведы, могут претендовать здесь на первенство. Норвежские племена Хёрдаланда и Рогаланда также отличаются высоким ростом.

Имеется еще Прокопий, византийский историк, который сопровождал Велизария в походах против вандалов и остготов и чуть позже 550 г. увековечил военные кампании Юстиниана в своей «Истории войн». Рассуждая о той судьбе, которая ждала эрулов после сокрушительного поражения от лангобардов около 505 г., Прокопий вспоминает попутно и об их северной родине, куда некоторым из них суждено было вернуться. Родиной эрулов он называет землю данов. На острове Туле – очевидно, Скандинавском полуострове – эрулы обосновались по возвращении: они поселились там по соседству с гоутай (вероятно, гаутами), живущими к югу от Уплёнда. Большая часть Туле – гола и необитаема, но на оставшейся земле нашлось место для тринадцати племен – каждое со своим королем. Прокопий оставил нам замечательное описание полуночного солнца, но поразительнее всего его сведения о скритифиони, скреререфеннай Иордана, саамах, чей образ жизни мало чем отличается от звериного. Они – охотники, не делают вина и не выращивают хлеб. Они не носят ни тканых одежд, ни обуви, а прикрывают тела шкурами убитых на охоте животных, мясо которых идет им в пищу, предварительно скрепив их жилами. Даже детей они выкармливают иначе, чем это делается у всех остальных народов. Их дети не знают вкуса молока и не касаются материнской груди, их питают костным мозгом, который добывают из костей все тех же животных. Произведя на свет ребенка, женщина заворачивает его в шкуру и подвешивает к дереву, после чего кладет в рот новорожденному костный мозг и уходит со своим мужем охотиться. Остальные обитатели Туле, согласно Прокопию, не слишком отличаются от обычных людей; хотя он считает нужным отметить, что они поклоняются множеству богов и демонов и совершают в угоду им жестокие обряды с человеческими жертвами.

Рис. 2. Саамы охотятся на лыжах (Олаус Магнус)

Представление о том, что в охоте участвовали и женщины, Олаус, вероятно, заимствовал у античных авторов

Обратившись к сочинениям Иордана и Прокопия, мы ушли на целое столетие от римского железного века и вступили в германский железный век, непосредственно предшествующий эпохе викингов. Границей и одновременно связующим звеном между этими историческими периодами, охватывающими, соответственно, первые и вторые четыре столетия христианской эры, служит эпоха Великого переселения народов. Здесь уместно вспомнить о переселении кимбров и тевтонов незадолго до начала I в. н. э. и последующих передвижениях лангобардов, готов и бургундов, хотя миграции, имевшие место в рассматриваемый нами сейчас период, толчком к которым послужили вторжение гуннов на юг во второй половине IV в. и ослабление римского влияния сначала в провинциях, а в конце концов и в Италии, происходили с куда большим размахом. С них, можно сказать, начинается история Средневековья, но детали их не представляют для нас особого интереса. В ряде случаев – как это было с вестготами, остготами и бургундами – заключались фиктивные союзы, позволявшие чужеземцам утвердиться на римской территории, в других (лангобарды, эрулы, алеманны и франки) имела место неприкрытая агрессия, но в действительности все эти народы выступали как завоеватели, а не как союзники империи. Эрулы, остготы и лангобарды заняли Италию, франки, вестготы, алеманны, бавары и бургунды разделили Галлию. Вестготы из Галлии повернули на юг и захватили Испанию, а вандалы двинулись через Андалусию в Северную Африку. В середине V в. англосаксы, с небольшой примесью ютов и фризов, покинули свои земли в «датской» Скандинавии, в результате чего на месте римской Британии возникла германская Англия. Проследить эти миграции или хотя бы те из них, в которых участвовали скандинавские народы, – задача крайне сложная и трудоемкая, к тому же не имеющая непосредственного отношения к теме данной книги. Однако даже беглого рассмотрения трех основных аспектов проблемы

достаточно, чтобы увидеть, что викингская экспансия, начавшаяся почти четыре столетия спустя, по сути, не представляла собой ничего нового.

Начнем с эрулов, или, как называют их древние авторы, герулов. В некие давние времена они, судя по всему, жили на датских островах или на юге Ютландии, а возможно, и там, и там. Не исключено, что они обитали в Сконе, в Швеции. О них шла слава как о воинственном племени, промышлявшем сбором дани и пиратством. В III в. их деяния вызвали крайнее недовольство обитателей Причерноморья, куда эрулы (хотя и не все) пришли вслед за готами. Упоминается также, что в 289 г. н. э. они вторглись в Галлию вместе с хабионами, о которых практически ничего не известно. В IV в. часть эрулов приняла владычество Эрманариха, прославленного короля остготов, а вскоре после этого их разбили пришедшие гунны. Говорится еще, что в середине V в. они совершили опустошительный набег на испанское побережье, но были ли это кочевые эрулы, или эрулы, приплывшие из своих родных северных земель, неизвестно. В последующие столетия повсюду, где только затевались войны или грабительские набеги, немедленно появлялись голубоглазые эрулы-наемники в нашечниках. После того как эрулов один за другим разбили Эрманарих (ок. 350 г.), Теодорих (ок. 490 г.) и евнух Нарсес (556 г.), они получили репутацию самых доблестных и отчаянных неудачников в ранней истории германских племен. Прокопий крайне суров к эрулам, которые жили на юге. Он называет их нечестивыми, жадными, неистовыми, бесстыжими, грязными, изуверскими, подлыми и самыми распутными из людей. Среди прочего, они имели обыкновение убивать заболевших стариков. Иордан сообщает, что эрулов прогнали из Дании даны, и если толковать туманную шестую строку «Беовульфа» – «egsode eorle» (в рукописи eorl) в том смысле, что Скильд Скевинг, эпонимический родоначальник датской династии Скильдингов (Скьельдунгов), «устрашил эрулов» (хотя, возможно, egul то же, что eorl, jarl, – воин благородного происхождения), можно увидеть в ней некое подтверждение того, что эрулов считали доблестными воинами не только в чужих, но и в их собственных северных землях. Никто не стал бы прославлять Скильда за то, что он устрашил какой-нибудь слабый и мирный народ, – нет, перед его противниками трепетал весь север. Когда эрулов изгнали, мы не можем сказать, предположительно, ближе к концу V в. Куда они после этого отправились, неизвестно – вероятно, присоединились к своим соплеменникам, обитавшим где-то в районе современной Венгрии. Однако, опираясь на данные археологических и антропологических исследований, с той же степенью достоверности (или недостоверности) можно предположить, что даны вытеснили эрулов с их земель где-то около 200 г. или чуть позже, что позволяет объяснить их передвижения по Южной Европе в III в. Так или иначе, после более или менее длительного отсутствия эрулы, потерпев поражение от лангобардов около 505 г., вернулись в Скандинавию и обосновались на сей раз по соседству с гаутами в южной Швеции. Возможно, их заслуга в истории севера состоит вовсе не в этих бесплодных и неудачных переселениях туда-сюда, а в том, что они каким-то образом причастны к созданию рунического алфавита и рунического письма. В скандинавских рунических надписях постоянно встречается слово *erilaR* (*eirilaR*), что, по всей вероятности, означает «эрульский»; похоже, эрулы настолько прославились как знатоки рун, что их имя стало нарицательным.

Примерно в то же время, когда эрулы, согласно Иордану, вернулись, чтобы поселиться рядом с гоутай, или гаутами, сами гауты (или народ с похожим именем, который каким-то образом с ними перепутали) внесли свою лепту в обширный перечень южных походов, предпринятых скандинавскими племенами. На этот счет у нас есть свидетельства источников, и даже нескольких. Имя гаутского короля дошло до нас в древнеанглийской форме – Хигелак. В древнеанглийской эпической поэме «Беовульф» говорится, что Хигелак был королем *geatas*. Однажды он собрался в суровый военный поход против франков (*hugas*) и повел свои корабли во Фризию, где погиб в битве: «...сгибнул Хигелак,/ войсководитель,/ гаутский³ конунг:/ в

³ К крайне трудной и запутанной проблеме идентификации геатов «Беовульфа» мы еще вернемся. Пока же нас интересуют

пылу сраженья/ на поле фризском/ потомок Хределя/ пал наземь,/ мечами иссеченный...»⁴ Король пал в сражении с войском хетваров из низовий Рейна. Хигелак отправился в гибельный поход, в котором, как говорится в «Беовульфе», пали все его спутники, кроме одного, около 521 г. – тому можно найти подтверждения в двух франкских источниках – «Historia Francorum*» епископа Григория Турского (ум. 594 г.) и анонимной «Liber Historiae Francorum*» VIII в., а также в английской «Liber Monstrorum» («De Monstris et de Belluis Li-ber»), трактате VIII в., посвященном различным диковинам. Говорится, что некий король, звавшийся Х(л)охилак-Хьюг-лаук-Хюглак отправился в пиратский морской поход в землю атуариев, фризского племени, жившего на территории империи меровингов в низовьях Рейна и Зейдер-Зе. Люди Хьюглаука разорили некое поселение и унесли добычу на свои корабли. Сам король остался на берегу, и его настиг и убил Теодеберт, сын франкского властителя Теодориха. Теодеберт также захватил корабли Хьюглаука и вернул награбленное добро владельцам. Король Хьюглаук, правивший гаутами (qui imperavit Getis), был таким гигантом, что ни одна лошадь не могла его нести; скелет Хьюглаука (ossa) долгое время хранился на острове в устье Рейна, и его показывали любопытным как диковину. В том, что две франкские хроники называют Х(л)охилака королем данов, а не гаутов, нет ничего удивительного. Едва ли Григорий Турский знал о народах, населявших в VI в. Данию и Швецию, и их истории много больше, чем знаем мы, и, естественно, он мог спутать данов и гаутов, живших по соседству. Данов франки знали и использовали это название для разных народов «оттуда с севера», как это случалось не раз и в последующие века.

Aduentus Saxonum, переселение англосаксов в Британию и возникновение там германских королевств, – одно из самых значительных событий эпохи Великого переселения народов. Однако и здесь, как и в истории рассматриваемого нами периода в целом, многое остается неясным. Откуда пришли переселенцы, к каким конкретно племенам они принадлежали, что толкало их к походам и завоеваниям, куда именно они приплывали и каковы были дальнейшие их передвижения, сколь долго и твердо сопротивлялось местное население, какую роль во всем этом играл Хенгест, насколько исторична артуровская Британия – на все эти вопросы у нас нет четких ответов. К счастью, в нашем кратком изложении предыстории викингов обсуждать эти проблемы нет необходимости. Ибо, даже если не уточнять, какое отношение юты имели к Ютландии, и не пытаться определить, где конкретно располагались упомянутый у Беды Ангулус и земля, «известная ныне как Старая Саксония»⁵, в общих чертах картина ясна. Переселявшиеся (в первую очередь из-за нехватки земель) народы пришли в основном с датских островов; из южной Ютландии (т. е. из Шлезвига), где, согласно Бедде, вовсе не осталось населения (этот массовый уход, если он имел место, во многом позволяет объяснить продвижение данов на запад – с островов в Ютландию); с перешейка Кимврийского полуострова (т. е. из Гольштейна); из верховий Эльбы, с берегов Везера и Эмса на западе и из прибрежных областей Зейдер-Зе и низовий Рейна на юге. Самое раннее свидетельство о новых обитателях Британии оставил Прокопий, оно относится к середине VI в. Византийский историк якобы говорил с неким англом (Angiloi), входившим в состав посольства, которое отправил к императору

только события, а кто конкретно участвовал в походе 521 г. – гауты южной Швеции или юты из Ютландии, – в данном случае не столь важно.

⁴ Цит. по: *Беовульф* / Пер. В. Тихомирова // *Беовульф*. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М., 1975. В. Тихомиров переводит др. – англ. «geatas» как «гауты».

⁵ Имеется в виду известное утверждение Беды в «Церковной истории народа англо» (I. 15): «Они (пришельцы) вышли из трех сильнейших германских племен – саксов, англо и ютов. Жители Кента и Векты происходят от ютов, как и обитатели земель напротив острова Векты в провинции западных саксов, до сих пор называемые народом ютов. От саксов из области, известной ныне как Старая Саксония, происходят восточные саксы, южные саксы и западные саксы. Кроме этого, из страны англо, находящейся между провинциями ютов и саксов и называемой Ангулус, которая с той поры опустела, вышли восточные англы, средние англы, мерсийцы и весь народ Нортумбрии, то есть те, кто живет к северу от реки Хумбер, а также и другие племена англо». Цит. по: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англо / Пер. В. Эрлихмана. – СПб., 2001.

Юстиниану в Константинополь франкский король Теодоберт. О населении Британии у Прокопия были довольно странные представления, ибо среди прочих он называет души умерших, которые уходят из Галлии на острова через пролив. Из более осязаемых жителей он упоминает англов, фризов (*Frissones*) и бриттов; каждый из этих народов имеет своего короля, и все они настолько плодовиты, что ежегодно отправляют множество мужчин, женщин и детей за море, в землю франков.

У нас есть немало доказательств того, что в первой половине VI в. произошло массовое переселение бриттов в Арморику (Бретань). С другой стороны, волна германских переселенцев, хлынувшая в Британию, в какой-то момент откатилась назад на континент, натолкнувшись на некое временное препятствие, – об этом упоминается в «*Traslatio Sancti Alexandre*, написанном в Фульде, а из более ранних источников – у Гильдаса. В упомянутых свидетельствах наибольший интерес для нас представляет то, что, как сообщает монах из Фульда, переселенцы VI в. вернулись в устье Эльбы, на свою прежнюю родину.

Король Альфред, как и Беда, считал англов скандинавским народом, а их родиной – Шлезвиг и окрестные острова, о которых ему рассказывал норвежец Оттар. В древнеанглийской поэме «Видсид» упоминается Онгель – земля, где правил Оффа, к северу от реки Эйдер (Фифельдор).

Саксы, независимо от того, считать ли их одним племенем или предположить, что это имя было собирательным для нескольких родственных племен, населявших территорию от Гольштейна до Эмса (либо даже для всех племен, промышлявших пиратством на этой территории и в близлежащих землях), определенно не принадлежали к скандинавским народам. Тем не менее на протяжении почти семи сотен лет они постоянно присутствуют в истории Скандинавии. Этот деятельный, закаленный в сражениях и привычный к трудностям народ за три века, начиная со 150 г. н. э., расселился по весьма обширной территории – умение саксов расчищать леса и осушать болота, равно как и их воинское искусство немало способствовали расширению их владений. Для нас особенно интересен тот факт, что в 400–450 гг. саксы пришли во Фризию. «Бог создал море, но берег создали фризы», – гласит древнее речение. Терпы – курганы, защищавшие побережья Фризии от натиска моря, возводились в течение многих веков на всем побережье от Везера до Зейдер-Зе. Сначала небольшие, со временем они достигли таких размеров, чтобы на них могло разместиться средних размеров поселение. Исходя из того, что саксы поселились во Фризии в начале V в., легко понять, почему Прокопий говорит о *Frissones*, живущих в Британии, в то время как другие ранние авторы, видимо, причисляют выходцев из Фризии к *Saxones*. Позднее все названия отдельных племен, народностей и языков потерялись, и осталось одно общее имя *Angli*, *Angelcynn* или *Englisc*, которое затем превратилось в *English*. Впрочем, в валлийском и гэльском до наших дней сохранились древние названия *Saesneg* и *Sassenach*, не вполне свободные от отрицательных коннотаций, связанных с пиратством и варварством.

Глава 2

Легендарная история шведов и данов

Теперь, после всех скитаний по суше и по водам, мы возвращаемся опять в Скандинавию, во времена возникновения шведского и датского королевств. В Норвегии образование единой народности и государства изначально шло медленнее. Очень долгое время на этой длинной, узкой и извилистой полоске земли, окруженной морями и горами, существовали лишь разрозненные мелкие королевства. Если не принимать в расчет правление полулегендарного завоевателя Хальвдана Белая Кость, ситуация в Норвегии коренным образом изменилась лишь на заре эпохи викингов, когда Хальвдан Черный, отец Харальда Прекрасноволосого, подчинил себе южные и западные фюльки.

Что касается Швеции и Дании, мы не знаем, когда и каким образом шведы Упплэнда и даны обрели власть над соседними племенами. Однако о том, что это в конце концов случилось, свидетельствуют песни и легенды, археологические находки и тот очевидный факт, что именно от названий этих двух народов произошли имена земель, о которых идет речь.

О шведах можно сказать следующее. Согласно Тациту, писавшему примерно в 100 г. н. э., они были самым могущественным и организованным из племен, населявших Упплэнд. Кроме того, по прошествии некоего времени (точная датировка колеблется в ошеломляюще широких пределах от примерно 550-го до 1000 г.) они потеснили своих южных соседей в Вестер- и Эстерьётланде и, несмотря на принудительный обмен землями с Данией, фактически стали хозяевами в своей части Скандинавии. Основным источником сведений о «темных» VI–VII вв. истории шведов является древнеанглийская героическая элегия «Беовульф», точнее, те ее эпизоды, в которых рассказывается о войнах шведов и геатов. Книги, посвященные этой теме, могли бы, наверное, составить целую библиотеку, но бесконечные дискуссии всякий раз порождают больше вопросов, нежели истин.

Начать следует с классических положений известнейшего английского исследователя «Беовульфа» Р.В. Чеймберса, кратко изложенных в его «Введении» в изучении поэмы⁶. Чеймберс исходил из того, что геаты (*др. – англ. geatas*), о которых говорится в тексте⁷, – не кто иные, как гауты (*др. – исл. gautar; др. – шв. gotar*), южные соседи шведов. К сожалению, о гаутах мы знаем еще меньше, чем о шведах, а геаты нигде, кроме «Беовульфа» и «Видсида», не упоминаются. Ситуация, однако, не столь безнадежна, как кажется поначалу. Мы вполне можем признать, что фрагменты, где говорится о распре между шведами и гаутами, выдержанные в том же высоком и трагическом стиле, в каком повествуется о походе Хигелака во Фризию, воспринимались сведущими и понимающими слушателями как правдивый рассказ о совершенных деяниях и свершившейся судьбе. Это не история в современном понимании. Из подобного рассказа, сколько ни старайся, нельзя понять политических или экономических мотивировок – здесь действуют и держат ответ за свои поступки герои, короли и предводители, движимые гордостью, жадностью и жаждой мести. Впрочем, в легендах они обычно пытаются защитить или обогатить свой народ, исполнить долг перед королем или родичем или просто становятся жертвой неумолимого Рока. И при всем том шведско-геатские фрагменты «Беовульфа» это не просто занимательная повесть о том, кто кого убил и почему.

⁶ Chambers R. Beowulf, an introduction to the study of the poem и др. работы, 1921 г., 1932 г.; с приложением К.Л. Вренна (Wrenn C), 1959. В Приложении обсуждается вопрос о том, что нового для понимания «Беовульфа» дают находки в Саттон-Ху, но в той части, где речь идет о взаимоотношениях шведов и геатов, К.Л. Вренна решительно расходится во мнении со своими скандинавскими коллегами. См. также: *Girvan R. Beowulf and the seventh century*, 1935, особенно главу «Folk-Tale and history» и *Nerman B. Det Svenska rikets Uppkomst*, Стокгольм, 1941.

⁷ В переводе В. Тихомирова, как уже указывалось, вместо «геаты» используется наименование «гауты». (*Примеч. пер.*)

В начале VI в. в Упплёнде правил старый, но грозный король, имя которого на английский манер звучит как Онгентеов. На древнескандинавском его звали бы Ангантюр (Angantýr, Anganþrét), но короля с таким именем нет в двух известных нам перечнях шведских властителей – стихотворном «Перечне Инглингов», сложенном скальдом Тродольвом из Хвинира примерно в начале IX в., и прозаической «Саге об Инглингах» (ок. 1225 г.). В обоих источниках вместо него назван Эгиль. Что касается предполагаемых королей геатов, то никто из них, кроме Хигелака, в других памятниках вообще не упоминается. В «Беовульфе» линия геатских королей начинается с Хределя. У него было три сына: Херебальд, Хадкюн и Хигелак. По несчастной случайности Хадкюн нечаянно убил своего брата Херебальда стрелой из лука, после чего Хредель умер от горя, оставив королевство Хадкюну. Шведы и геаты постоянно враждовали. Хадкюн решил отомстить за набеги и убийства, чинимые сыновьями Онгентеова. Он отправился в поход в шведские земли и захватил в плен бывшую жену короля. Но Онгентеов, «старец державный», настиг врагов, убил Хадкюна и спас женщину, у которой, правда, геаты отняли все ее золотые украшения. Оставшиеся в живых геаты укрылись в Вороньей Роще. Но шведы окружили их и целую ночь издевались, рассказывая, каким казням они предадут врагов утром. Однако прежде, чем забрезжил рассвет, затрубили походные рога – это Хигелак спешил на помощь родичам со своей дружиной. Теперь уже Онгентеову пришлось отступить. Он укрылся в крепости, за земляными валами, но это ему не помогло – воины Хигелака прорвались внутрь, и старый король пал в битве.

Геаты вернулись домой, и Хигелак правил ими, пока его не убили на юге хетвары. Ему наследовал Хардред, его сын. Однако недолго два народа жили в мире. После Онгентеова королем стал его сын Охтхере (в поэме ничего не говорится об этом, но такое предположение достаточно очевидно), а после смерти Охтхере трон захватил его младший брат Онела. Сыновья Охтхере, Эанмунд и Эадгильс, бежали к извечным врагам шведской династии – геатам. Онела, «морской конунг», один из тех, кто приносил богатство шведам, напал на геатов и убил Хардред, их короля, и Эанмунда, своего племянника, а потом вернулся домой. У геатов стал править Беовульф. Но родовая распря, в которую оказались втянуты два народа, продолжалась. Геаты поддержали оставшегося в живых сына Охтхере, «послав дружину за море». В этом суровом зимнем походе Онела был убит, и к власти пришел Эадгильс. Однако и это еще не конец, ибо в последних строфах «Беовульфа» явственно звучит предвестье грядущих бедствий. Придут враги, геаты проиграют битву, их жены отправятся в изгнание, и ворон с волком будут глумиться над телами павших воинов.

Рис. 3. Маска человека из Вальсърде

Западнорвежские источники – «Перечень Митингов», «Сага об Инглингах»⁸ и составленный Арнгримуром Янссоном в конце XVI в. сокращенный латинский перевод или пересказ не дошедшей до нас «Саги о Скьельдунгах» (датируемой, вероятно, 1180–1200 гг.) – в целом подтверждают то, что рассказано о распре шведов и геатов в древнеанглийской поэме, хотя в деталях весьма сильно с ней расходятся. В норвежских источниках вовсе не упоминается Беовульф, но, как ни парадоксально, именно без него нам проще всего обойтись. Беовульф, якобы правивший геатами пятьдесят лет, очевидно, вымышленный персонаж; исторические эпизоды поэмы вставлены в рассказ об этом герое, но сам он в них никак не фигурирует. Однако это не единственная проблема. Вместо войны между шведами и гаутами «Сага об Инглингах» сообщает о войнах шведов с данами и ютами. Оттар (Охтхере), король шведов, повел корабли в Данию и разорил Вендиль в Йотланде⁹, но пал в морском сражении в Лимафьорде. Победители-даны отнесли его тело на берег и положили на холме на растерзание зверям и птицам. Они также вырезали в насмешку ворону из дерева и отправили ее в Швецию: мол, Оттар-король не

⁸ «Тьодольв Мудрый из Хвинира был скальдом конунга Харальда Прекрасноволосого (из Норвегии). Он сочинил песнь о конунге Рёгнвальде Достославном. Эта песнь называется «Перечень Инглингов». Рёгнвальд был сыном Олава Альва Гейрстадира, брата Хальвдана Черного. В этой песне названы тридцать предков Рёгнвальда и рассказано о смерти и месте погребения каждого из них... (Мое) жизнеописание Инглингов написано сперва со слов Тьодольва и пополнено со слов мудрых людей». (*Snorri Sturluson*. *Heimskringla*. Здесь и далее цит. по: *Снорри Стурлусон*. *Круг Земной*. М.: Наука, 1980.) Двадцать семь стихов Тьодольва, полностью или частично, сохранились в «Саге об Инглингах», прозаическом повествовании, которым Снорри открывает свой «Круг Земной» – собрание жизнеописаний норвежских конунгов. Инглинги названы так потому, что они ведут род от Фрейра, одного из асов и правителя шведов, который воздвиг капище в Уппсале и сделал ее своей столицей. По-другому Фрейр звался Ингви, «и это имя долго считалось в его роду почетным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами». Первые семнадцать Инглингов вряд ли могут считаться историческими персонажами. А как о героях легенд едва ли что-либо скажет о них больше, чем их кончины. Конунг Фьельнир пошел ночью за нуждой, упал в чан с медом и утонул; Свейгдир пьяный побежал за карликом внутри камня и не вышел оттуда; Ванланди затоптала мара; Домальди принесли в жертву после трех лет неурожая; Дагу в голову кто-то метнул вилы, когда он шел мстить за воробья, и так далее до начала V в.

⁹ Так в «Саге...» именуется Ютландия. (*Примеч. пер.*)

больше ее стоит. Впрочем, есть большое подозрение, что этот эпизод «Саги об Инглингах» – результат некоей путаницы. Оттар получил свое прозвище не от ютландского Вендила, а от Венделя в шведском Уплёнде. Главный курган там зовется курганом Оттара Вендельской Вороны. На самом деле, как сообщает исландский историк XII в. Ари Мудрый (Ари, сын Торгильса) и подтверждает «История Норвегии», восходящая, судя по всему, к оригиналу, написанному около 1170 г., Вендельской Вороной, *vendilkraka*, звали Эгиля, отца Оттара. Далее можно задаться вопросом, не являются ли Эгиль, отец Оттара, и Онгентеов (Ангантюр), отец Охтхере, одним и тем же лицом. Подобная гипотеза кажется вполне правдоподобной¹⁰. Но вернемся пока к «Саге об Инглингах», в которой история об Эадгильсе и Онеле тоже излагается иначе. В ней Адильс – сын Оттара и наследует ему. Али (Онела) вовсе не был его дядей и никогда не правил шведами. О нем говорится, что он властвовал в норвежском Уплёнде. Но кончается все ровно так же.

«Адильс конунг враждовал с конунгом по имени Али Уплёндский. Он был из Норвегии. Между ними произошла битва на льду озера Венир. Али конунг погиб в этой битве, и Адильс одержал победу. В саге о Скьельдунгах подробно рассказывается об этой битве...»¹¹

«Сага о Скьельдунгах», как и «Сага об Инглингах», ошибочно называет Али *Orplandorum (rex) in Norvegia*. Адильс любил хороших лошадей, но в остальном и скальд, и саговая традиция обошлись с ним сурово: перед нами возникает образ какого-то нелепого и незадачливого смутьяна. И даже ездить верхом он не очень умел – в висе говорится, он упал с серого коня на озере Венир, «когда скакал по льду», а по Снорри, он свалился с коня на капище и разбил голову о камень. Это случилось в Уппсале, и погребен Адильс там¹².

---

¹⁰ Словообразовательная цепочка, предположительно, выглядит так: *Angantyr* > *Angila (уменьшительно-ласкательное) > **Agila(R)* > *Egill*. Впрочем, куда более убедительным аргументом служит генеалогическое совпадение вкпе с тем, что, согласно «Беовульф», Онгентеова убил Эвор (*др. – англ.* «кабан»), а в «Перечне Инглингов» говорится, что кровь Эгиля окрасила морду кабана, *faḡa tríoþo*, хотя Снорри Стурлусон в «Саге об Инглингах» истолковал *faḡe* как «тур».

¹¹ Перевод М.И. Стеблин-Каменского.

¹² Саксон Грамматик уверяет, что Адильс умер, упившись на пиру, когда торжествовал «с неумеренной веселостью» по поводу смерти своего врага Хрольва (Хродульва).

Рис. 4. Камень с резными изображениями из Альстада (Норвегия)

Очевидно, рисунки на камне – иллюстрация к легенде о Сигурде. «Под большой орнаментальной птицей, которая, вероятно, представляет собой некий символ, изображен человек на лошади, на руке у него ястреб, рядом бегут собаки. Это, судя по всему, Сигурд, отправляющийся на охоту, ту самую, что стала для него роковой. Ниже – конь без всадника: Грани пришел домой после смерти своего хозяина. Под ним – всадник с обнаженным мечом, возможно, убийца Сигурда Хёгни. На оборотной стороне – орнамент. Не исключено также, что здесь изображено появление умершего в загробном мире

В «Саге об Инглингах» называются имена трех шведских конунгов рассматриваемого нами периода, похороненных в Уппсале: Аун, Эгиль и Адильс. Едва ли можно счесть простым совпадением, что в Старой Уппсале имеются три больших кургана, тянущихся цепочкой с северо-востока на юго-запад: их называют курганами Одина, Тора и Фрейра. В двух из них велись раскопки, и там обнаружили обугленные человеческие останки. Умершие были людьми богатыми и знатными, очевидно конунгами, и почти наверняка кем-то из троих, перечисленных Снорри. Имея в виду еще и курган Оттара в двадцати милях к северу, в Венделе, мы можем составить достаточно полный перечень властителей, правивших в Швеции на протяжении VI в. Эти величественные памятники, воздвигнутые в Старой Уппсале, – немые свидетели могущества воинственной шведской династии, последовательно распространявшей свою власть на соседние земли – материковый Гаутланд и ближайший остров Готланд. В Венделе и Вальсърде с VI по IX в. знатных вождей хоронили в ладьях, тридцати и более футов в длину, с лошадьми и упряжью, собаками (а в одном случае даже с охотничьим соколом), прекрасным оружием, котлами и запасами пищи. В других погребениях в тех же местах примерно того же периода находят стеклянные кубки, украшения с полудрагоценными камнями и эмалью, мечи и замечательные шлемы, сделанные по римскому образцу. Это мир «Беовульфа»; захоронения и поэма, дополняя друг друга, раскрывают облик эпохи¹³.

Если в дополнение ко всему сказанному вспомнить эпизод «Беовульфа», где говорится о нападении геатов на Фризию около 521 г., свидетельства древнеанглийской поэмы, норвежских и континентальных источников и археологические данные вроде бы укладываются в некую цельную картину. Не всех, однако, убеждают эти построения. Многим датским и шведским исследователям отождествление геатов и гаутов представляется не вполне правомерным, а самые яростные критики – последователи Вейбулля, работающие в Сконе, категорически не согласны с утверждением сторонников «гаутской» гипотезы, что к 600 г. гаутское королевство распалось. В сильно упрощенном виде их позиция сводится к следующему. В основе

---

¹³ Здесь нельзя не вспомнить также корабельное захоронение середины VII в. в Саттон-Ху, в Восточной Англии, где погребен, по-видимому, человек королевской крови. Находки Саттон-Ху еще не осмыслены в полной мере, но весь комплекс в целом – и огромный корабельный кенотаф, или курган, и отдельные артефакты: оружие, щит, шлем, серебряные ложки и посуда, изделия золотых дел мастеров и ювелиров, монеты, арфа и королевское знамя – по внешнему облику и общему ощущению удивительно соотносятся с описаниями «Беовульфа». Некоторые из этих сокровищ совершили долгое путешествие, прежде чем осесть в кургане: на серебряной посуде стоит клеймо византийского императора Анастасия (ум. 518 г.); четыре десятка меровингских монет из королевского кошелька; шлем и щит очень напоминают шведские – начала VI в. Профессор Бергер Нерман высказал предположение, что Саттон-Ху предназначался для кого-то из шведских конунгов (*Nerman B. Sutton Hoo; en svensk Kunga- eller hovdinggrav / Fornvannen*, 1948), однако это кажется маловероятным. Профессор Соне Линдквист рассматривает и поэму «Беовульф», и захоронение в Саттон-Ху исходя из гипотезы о шведском происхождении королевской династии Восточной Англии – династии Уффингов или Вюльфингов (*Lindqvist S. Sutton Hoo and Beowulf / Antiquity*, 1948). Читателям можно порекомендовать работу *Bruce-Mitford R. The Sutton Hoo ship-burial / Hodgkin R. History of Anglo-Saxons*, 1952, и его статью с тем же названием в ежегоднике Британского музея, 1966; также *Wrenn R. Sutton Hoo and Beowulf / Chambers R. Beowulf, An introduction.*, 1959; *Green Ch. Sutton Hoo*, 1963. В свете всего того, что было сказано выше, параллели между Саттон-Ху и Венделем столь же знаменательны, как параллели и между ними и поэмой.

«Беовульфа» лежат легенда и народная традиция; поэтому, если содержащиеся в ней сведения, противоречат нашим представлениям об исторических и географических реалиях Швеции VI в., сложившимся в результате анализа иных источников, свидетельства поэмы следует просто отбросить. Для начала, кто такие геаты? Чисто по названию их можно отождествить с гаутами, но с тем же успехом филологи готовы соотнести их и с ютами, которых в древнеанглийских и западнонорвежских источниках именуют Iuti, Iutae, Eote, Yte и Jotar, Jutar. Этот последний вариант особенно нравится нефилологам. Кроме того, есть вероятность, что древнеанглийский поэт смешал в одно целое два народа, ютов и гаутов, названия которых не слишком сильно отличаются (g в шведских Gøtar, Götär произносилось как современное у[j]) и о месте жительства которых, как считается, он мало что знал, хотя это только предположение. Если западнонорвежские источники содержат ошибочные сведения относительно Дании, Ютландии, Венделя, Швеции и Гаутланда, то с какой стати мы должны верить древнеанглийской поэме? Разумеется, все подобные заявления нельзя считать достойными аргументами в пользу того, что геаты – это юты, но у шведских исследователей есть в запасе и более весомые доводы. Если речь идет действительно о ютах, история о морском походе во Фризию (с учетом их высокоразвитого кораблестроения) обретает куда большую реальность. Куда проще представить в роли пиратов ютов, нежели гаутов или шведов. Между Ютландией и устьем Рейна давно существовали торговые и другие связи и повод для вражды вполне мог найтись. Франкские хронисты называют напавших данами, Dani, а не гаутами, и «Liber Monstrorum» пишет о Хьюглаке как о короле Getae, не Gauti, хотя трудно поверить, что под именем Getae могут скрываться юты. О том, что датский флот потерпел поражение во Фризии, около 565 г. упоминает Венантий Фортунат, епископ Пуатье (530–609). Высказывалось также предположение, что средневековая форма имени древнего торгового города Холдинг – стедт в Шлезвиге (Huglasstath, 1285) хранит в себе память о Хьюглауке-Хьюлаке-Хигелаке, хотя эта последняя гипотеза выглядит, мягко говоря, неубедительно. Словом, если филология свидетельствует в пользу гаутов, факты из области экономики и политики говорят за ютов.

Но существуют еще фрагменты поэмы, где описаны войны шведов и геатов, при чтении их остается четкое ощущение, что под геатами подразумевались именно гауты, а не какой-либо другой народ. Можно, конечно, предположить, что какая-то часть гаутов жила в северной Ютландии, и таким образом объединить обе версии, но никаких доказательств у нас нет. В результате приходится выбирать между долгими, в течение почти всего VI в., ютско-шведскими войнами, что отнюдь не невозможно, и гаутско-шведскими, тоже вполне вероятными. Так называемыми «фактами» можно в какой-то мере подтвердить и ту и другую версию, но более естественной представляется все же вторая, ибо трудно представить, чтобы англосаксонский поэт, описывая продолжавшиеся на протяжении трех поколений походы из Ютландии в Швецию, не упомянул ни разу о кораблях и морских сражениях. Первоначально гауты жили, вероятно, в Вестеръетланде, но со временем этот могущественный и многочисленный народ заселил земли Эстеръетланда, Дальсланда, Нерке, Вермланда и частично Смоланда. Шведы в свою очередь также претендовали на названные области, так что для войн у шведов и гаутов были поводы. Исходя из всего сказанного гипотеза Чеймберса, если она и не совсем справедлива, все же кажется более обоснованной, чем суждения его оппонентов. Однако при этом едва ли мы вправе, опираясь только на свидетельства «Беовульфа», утверждать, что гауты в конце VI в. потерпели окончательное поражение и шведы захватили их земли. По мнению Курта Вейбулля, гауты сохраняли независимость чуть ли не до 1000 г. и лишь начиная с Олава Скёткунунга шведские властители могли по праву именоваться rex Sveorum Gothorumque. В западнонорвежских источниках вплоть до этого времени встречаются многочисленные упоминания о гаутах и Гаутланде, в частности хорошо известный (хотя едва ли заслуживающий доверия) рассказ Снорри о ярле Рёгнвальде, правившем в Гаутланде, чьим содействием Олав сын Трюг-

гви хотел заручиться в борьбе со своими соперниками, в том числе Олавом Скётконунгом¹⁴. Другие исследователи указывают, что, хотя в ранних памятниках упоминается множество разных племен, населявших Швецию, чужестранцы, посещавшие эти земли в IX в., скажем Ансгар, пишут только о шведах. На основании этого делается вывод, что борьба за главенство на данной территории к тому времени уже завершилась¹⁵. Так или иначе, проиграв войну шведам, гауты скорее вошли в состав шведского королевства, нежели вовсе исчезли с лица земли. И во всяком случае, до конца эпохи викингов у них были свои законы и законоговорители, тинги и ярлы, по крайней мере, так сообщают источники. В конце концов шведы подчинили гаутов, но проследить этот процесс поэтапно мы не в состоянии.

История Дании в самом ее начале опять-таки напоминает нам о шведских делах. У нас имеется весьма туманное утверждение Иордана, что даны, сородичи шведов, в какой-то момент между 200-м и 500 г. н. э. то ли захватили земли эрулов, то ли отвоевали захваченные эрулами земли. Кроме того, в легендах мы встречаем эпонимического Дана, сына Иппера, короля шведской Уппсалы, «от которого, как говорят древние предания, ведут свое начало славные династии наших королей, словно полноводные потоки, разбегающиеся от одной большой реки». Покинув Швецию, Дан стал править на Зеландии и соседних островах – Фальстере, Лолланде и Мёне; его королевство именовалось Витеслет, Широкая Равнина. Позднее, когда Ютландия, Фюн и Сконе тоже признали власть Дана, королевство стали называть Данмёрк, по его имени. Согласно Саксону Грамматику, у Дана был брат Ангул, чье имя навеки запечатлено в названии «народа англов», позднее, на неисповедимых путях истории, превратившемся в англичан.

Всю эту мешанину необоснованных утверждений нелегко осмыслить; еще труднее делать на ее основании какие-то выводы (даже легенды расходятся между собой: согласно «Хронике королей Лейре» эпонимическими сыновьями Иппера были Нори, Эстен и Дан). Однако здесь можно усмотреть намек на то, что могущественные, богатые и выгодно расположенные Зеландия (с островами и Сконе) и лежащая за проливом Большой Бельт Ютландия (возможно, вместе с Фюном) сыграли важную роль в формировании датского королевства. Разумеется, границы «Большой Дании» установились не сразу и наверняка не раз менялись; междоусобицы и распри подрывали складывавшееся единство, и тем не менее факты говорят за то, что с определенного времени даны стали осознавать себя отдельной, единой народностью, отличной от норвежцев и шведов. Подобные представления складывались в первую очередь в среде знати; простые же люди ощущали скорее свою связь с неким властителем или династией, которым они служили, а не принадлежность к «народу». Кроме того, в связи с возможным изгнанием эрулов и переселением англов и (частично) ютов ответ на вопрос о том, были ли даны одним племенем, занявшим земли, оставленные другими народами, или это имя стало собирательным названием образовавшегося союза племен, живших на Зеландии, малых островах и в Ютландии и изначально именовавшихся по-своему, также оказывается неоднозначным. Но несомненно, народ или союз народов, называвшийся данами, главенствовал на территории современной Дании и в Сконе в начале VI в.

Самые прославленные из легендарных датских конунгов – Скьёльдунги, Скилдинги «Беовульфа», Люди Щита, потомки Скьёльда, который, по «Саге об Инглингах», был сыном Одина, согласно Саксону Грамматику – внуком Дана, а в «Беовульфе» именуется либо «сын

---

¹⁴ Наши сведения о Гаутланде, однако, крайне скудны и маловероятны. О древних (VI в.) временах мы знаем лишь то, что гауты подходили к вопросу о выборе властителя очень серьезно: трон пустовал до тех пор, пока не появлялся претендент в два обычных человеческих роста, чтобы занять его. Не больше нам известно и о ярлах более поздних времен. Курт Вейбуль писал, что Рёгнвальд был шведским ярлом; утверждалось также, что он был выходцем из Гардарики (Русь) либо подданным датского конунга.

¹⁵ М. Стенбергер утверждает, что Гаутланд был присоединен к королевству центральной Швеции в конце VIII в. Спарлэский камень (ок. 800 г.), возможно, воздвигнут в память об этом событии.

Скева», Скильд Скевинг, либо Скильд «со снопом¹⁶». В «Беовульфе» рассказывается, что его нашли ребенком в ладье, нагруженной бессчетными сокровищами и приплывшей к датскому берегу неведомо откуда. Он явился к данам в трудные времена, устрасил их врагов и стал родоначальником королевской династии, а когда «в час предначертанный» он умер:

Тело снесли его
слуги любимые
на берег моря...
...там был он возложен
на лоно ладейное,
кольцедробитель;
с ним же, под мачтой,
груды сокровищ —
добыча походов...
В дорогу владыку
они наделили
казной не меньшей,
чем те, что когда-то
в море отправили
Скильда-младенца
в суденушке утлом.
Стяг златотканый
высоко над ложем
на мачте упрочив,
они поручили
челн теченьям:
сердца их печальны,
сумрачны души,
и нет человека
из воинов этих,
стоящих под небом,
живущих под крышей,
кто мог бы ответить,
к чьим берегам
причалит плывущий¹⁷.

Что касается конунгов, правивших после Скъельда, то здесь мы можем похвастаться скорее количеством источников, нежели их достоверностью: Саксон Грамматик (ок. 1200 г.), Свен Агессен (1185 г.), «Хроника конунгов Лейре» (ок. 1160 г.), которая в XIV в. была включена в «Анналы Лунда»), «Роскильская хроника» (1146 г.), «Langfe 5 gatal» XI в. К этому перечню можно добавить «Беовульф», сложенный, судя по всему, где-то между 700-м и 750 г., «Сагу о Хрольве Жердинке» и уже упоминавшийся выше латинский пересказ «Саги о Скъельдунгах». Некоторые из этих источников, в особенности Свен Агессен, кратки, другие, скажем Саксон Грамматик, весьма и весьма пространны. Все требуют осмотрительного к себе отношения и по большей части просто вызывают недоверие. Только там, где заходит речь о Хальвдане, «Хальфдана славного» «Беовульфа», мы выходим из тумана легенд в область истории (и оказываемся,

---

¹⁶ Др. – англ. *sceaf* – сноп. (Примеч. пер.)

¹⁷ Цит. по: *Беовульф* / Пер. В. Тихомирова // *Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.* – М., 1975.

предположительно, где-то в середине V в.). Сын Хальвдана Хродгар был стариком во времена, описанные в «Беовульфе», то есть незадолго до гибели Хигелака, правителя геатов, в 520 г. Он жил в Лейре на Зеландии в высоких, просторных, богато украшенных палатах, звавшихся Хеорот, Палаты Оленя. Старая Лейре (Гамла Лейре) располагается в пяти милях от нынешнего Роскилле: теперь это маленькая деревушка на берегу небольшой речки Корнерап (река Лейре высохла), впадающей в Роскиллефьорд в южном его конце. Исследователь «Беовульфа» и его северных аналогов, оказавшись здесь, вероятно, ощутит некий благоговейный трепет. Как и в некоторых других местах в Дании, в Лейре начиная с каменного века совершались захоронения: подступы к нему охраняют древние, поросшие лесом и травой курганы, и там же находится самый большой на датской территории skibaetning. По свидетельству Титмара Мерзебургского, в Лейре было когда-то святилище, где совершались кровавые жертвоприношения, там стояли палаты Скъельдунгов и, согласно легенде, погиб Хрольв Жердинка со своими воинами. Да, наш ученый покинет Лейре глубоко потрясенный и озадаченный. В этом месте, безусловно, жил в X в. некий богатый властитель, удостоившийся «княжеского» погребения, но никаких следов палат Хрольва VI в. в Лейре не обнаружено. Печально думать, что столь высокие властители, какими были датские конунги, оставались без крыши над головой¹⁸, но если их резиденцией была Лейре, мы вынуждены пока признать этот прискорбный факт, и, судя по всему, ситуация вряд ли изменится в будущем. Ровно так же не найдено никаких указаний на существование описанного Титмаром в его Хронике (начало XI в.) капища, где каждый девятый год в январе приносились в жертву богам девяносто девять человек и столько же лошадей, собак и петухов. Впрочем, то, что от святилища ничего не сохранилось, как раз неудивительно.

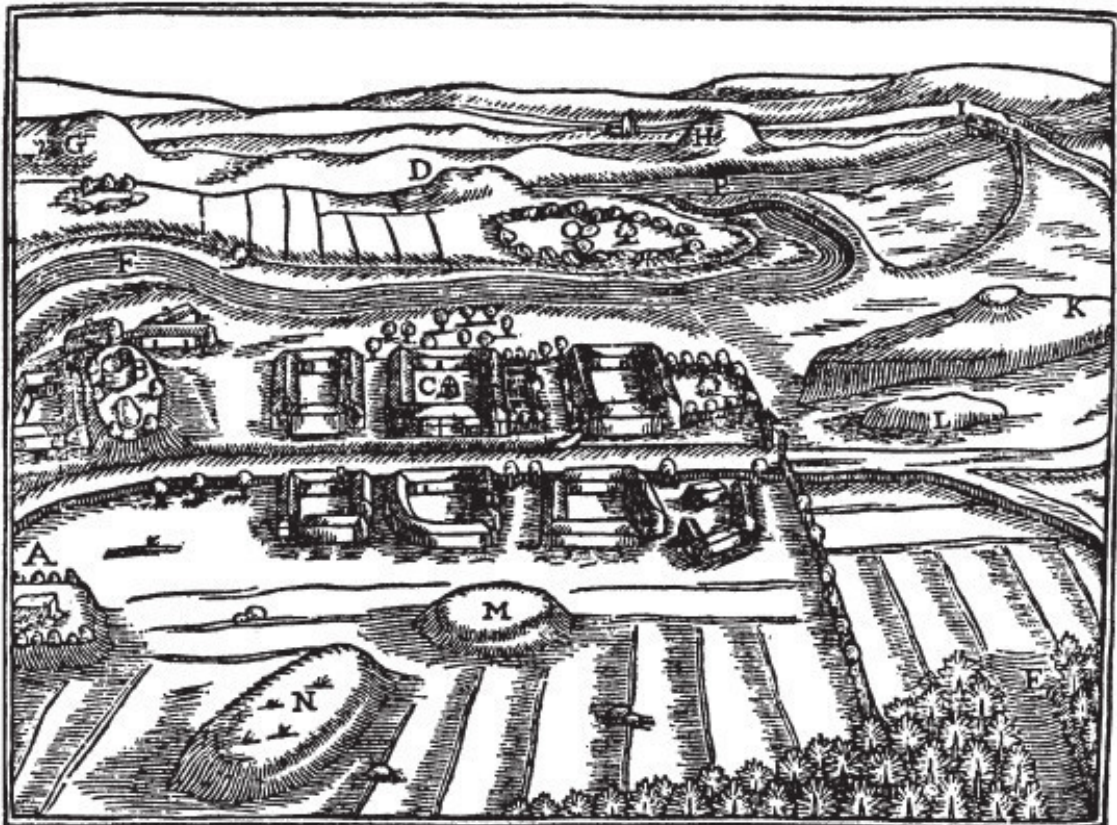

Рис. 5. Лейре, вид с запада (Оле Ворм)

¹⁸ Выражение Харальда Андерсена, руководившего раскопками в Лейре.

А. Курган Харальда Боевой Зуб; С. Locus ubi Regia olim erat; О. Skibsetning

Конечно, при таком богатстве легендарных и псевдоисторических свидетельств только сверхосторожный ученый не поверит, что Хальвдан-Хальфдан, Хроар-Ро-Хродгар, Хельги-Хальга, Хрольв-Хродвульф действительно правили в Дании, но, к сожалению, все достоверные сведения о них этим и ограничиваются. Скажем, указывает ли имя Хальвдан, означающее «полу-дан», косвенным образом на то, что Скьельдунги были династией наполовину чужеземного происхождения. Ученый, который взял бы на себя нелегкий труд выяснить родственные связи, первоначальную родину или хотя бы идентифицировать точно данов, ютов, эрулов, хеадобеардов и англов, по справедливости мог бы считаться непревзойденным эрудитом и отчаянным смельчаком.

То же и с Хрольвом. Надо просеять бушель легенд, чтобы добыть крупицу исторической истины, но даже в ней мы не найдем никакой конкретики. Все упоминания о Хрольве в «Беовульфе» и древнеанглийской поэзии несут в себе некое предчувствие грядущего зла. Он доблестно защищал Хеорот от Ингельда и его хеадобеардов, стяжав себе этим деянием великую славу. В «Видсиде» о нем говорится:

Хродвульф с Хродгаром,
храбрые, правили
мирно, совместно,
племянник с дядей,
войско викингов
выгнав за пределы,
силу Ингельда
сломив в сраженье,
порубив у Хеорота
хеадобердов рать¹⁹.

Но он запятнал свое имя тем, что захватил датский трон и изгнал, а возможно, убил собственных двоюродных братьев, сыновей Хродгара. Исландские и датские источники старательно замалчивают это злодеяние, ибо оно совершенно не вяжется ни с характером, ни с позднейшей славой Хрольва, но и они не в силах скрыть правду. Очищенная от легендарных и сказочных подробностей (которыми особенно изобилует исландская «Сага о Хрольве Жердинке») история Хрольва в соответствии с древней датской традицией выглядит так. У Хальвдана, конунга Дании, было два сына, Хроар и Хельги. Хальвдана предательски убил его брат Фроди, правивший в своем собственном королевстве, но сыновья отомстили за него. Хельги стал конунгом. Он был большим любителем женщин, но в этих делах ему катастрофически не везло. За свой порок он и был в конце концов наказан. Его сын, славный Хрольв, родился от безумного кровосмесительного союза Хельги с собственной дочерью Ирсой. Позже Ирса, узнав ужасную правду, сбежала от Хельги и стала женой шведского короля Адильса – того самого пьяницы и лихого наездника Адильса-Эадгильса, который убил конунга Али на льду озера Венир и похоронен в Королевском кургане в Старой Уппсале. Именно туда, в Уппсалу, отправился морем конунг Хельги, чтобы увезти Ирсу домой. Он сошел на берег с сотней людей и Адильс хорошо принял его в своем доме. Но на обратном пути Хельги подстерегала засада: в том жестоком бою даны погибли все до единого. Хрольв наследовал отцу, собрал могучую дружину и укрепил королевство. Его резиденция именовалась Лейре (HleiSargarSr). «Эта неприступная крепость стояла в датских землях. В величии и роскоши палаты эти не

---

¹⁹ Перевод В.Г. Тихомирова. Цит. по: Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. (Примеч. пер.)

имели себе равных – воистину никто прежде о таком и не слышал». В Лейре собрались воины из всех северных земель. Один из воинов Хрольва, Бёдвар Медвежонок, женился на его родственнице и затем стал убеждать конунга, что пора поквитаться со шведами. Хрольв отправился в поход на Уппсалу, захватил немало сокровищ Адильса, но затем разбросал их, чтобы задержать преследователей, гнавшихся за ним в долине Фюри. В «Беовульфе» есть намек на то, что Хрольв напал на Адильса-Эадгильса, отстаивая права вдовы Али, с которой был в родстве. Если так, он своей цели не достиг, ибо Адильс до конца жизни правил в Швеции, хотя вся слава, с легкой руки сказителей, досталась Хрольву. Шведский поход стал поворотным моментом его жизни: легенды говорят, что обиженный Один после этого отвернулся от него; более рациональное объяснение выглядит так, что враги конунга, которым вовсе не нравились его непомерные амбиции, в конце концов объединились против него. Возглавлял заговор двоюродный брат Хрольва Хьёрвард, согласно «Саге о Скьельдунгах» – конунг острова Эланд у юго-восточного побережья Швеции. Он привел войско шведов и гаутов к Лейре: ночью они напали на Хрольва и убили его и всех его дружинников, которые предпочли смерть рядом со своим королем бесславной жизни. Хьёрвард тоже пал, и Лейре сгинул «в бушующем пламени».

Легендарная история такого рода – крутая смесь: тот, кто попытается разобраться, например, в преданиях о Харальде Боевой Зуб, Сигурде Кольцо и кровавой схватке в Бравелле, получит еще более впечатляющий опыт. Тут, однако, следует вспомнить, что героические деяния и династические распри, запечатленные в захватывающих сказаниях, – это далеко не вся история. В этом подернутом дымкой прошлом в Скандинавии происходило и нечто вполне реальное. Дания сформировалась территориально – в ее состав вошли Зеландия (как географический и политический центр), Фальстер, Лолланд и Мён, затем прочие острова, а также земли по другую сторону пролива Эресунн, то есть Сконе и Халланд, хотя едва ли Бронхольм. Позднее даны продвинулись на запад и заселили Ютландию к северу от Эйдера – эти земли со временем стали играть столь же важную роль в датских делах, как и Зеландия. Водные пути, пролежавшие через проливы Большой и Малый Бельт и Эресунн, связывали отдельные датские территории; естественными преградами для дальнейшего расселения и, соответственно, расширения владений служили болота и леса на Ютландском перешейке и непроходимые чащи Смоланда в Швеции. В начале христианской эры Сконе (*др. – сканд. Skaney*), окруженный со всех сторон водой или лесами, являлся, по сути, островом; данное обстоятельство вполне объясняет тот факт, что он практически изначально был включен в орбиту датских интересов. С большой долей уверенности можно предположить, что в период с III по VII в. в этих землях шла жестокая борьба за власть и лилось немало крови; археологические находки указывают на III, VII и VIII вв. как на решающие в судьбах датского королевства. Но подробности нам неизвестны.

Однако два вывода мы все же можем сделать. Пока поэты и сказители слагали песни о королях и героях, поражавшие воображение, но имевшие весьма слабое отношение к действительности, жизнь шла своим чередом. Основой ее на протяжении столетий было и оставалось земледелие. Природные условия в разных областях Дании (а тем более в масштабах Скандинавского полуострова) сильно отличались; но на равнинах и в горных местностях, среди болот, пустошей и лесов, на побережьях и в отдалении от моря, оказывалась ли почва каменистой, песчаной или глинистой – повсюду люди пытались пахать землю и разводить скот, чтобы добыть себе пропитание. К их услугам были и иные дары природы – рыба, дичь, меха; некоторые отправлялись в далекие странствия, увозя с собой местные и доставляя на родину чужеземные товары – необходимые вещи и предметы роскоши. Кузнецы, резчики по дереву, корабельщики, гончары, изготовители канатов и сбруи, целители и строители курганов занимались своими делами. Все это прописные истины, но не грех вспомнить их лишний раз. Без земледельцев и ремесленников не было бы героев, без экономики не возникло бы королевства.

Второе, на что следует указать – что основой для становления датского королевства (так же как и шведского и норвежского) были возникшие ранее небольшие сообщества – дворы, мелкие поселения, деревни; и это становление происходило в процессе развития институтов, являвшихся принадлежностью определенных территориально-административных образований, в Дании называвшихся «херед» (*др. – сканд. пёгаб*). Реально все, что мы знаем о херее, относится к эпохе викингов, но существовали они, очевидно, намного раньше. Изначально так именовали, по всей вероятности, отряд конных воинов, но со временем это слово стало применяться для обозначения территории, жители которой съезжались вместе на тинг – общий сход, где вершился суд и решались вопросы, касавшиеся, так или иначе, всех обитателей данной местности. Географические особенности Дании (если не говорить о западной Ютландии и землях, ныне принадлежащих Швеции) позволяли отдельным дворам объединиться в деревни, а впоследствии из этих поселений выделились некоторые, особенно удобные для проведения тингов – и даже не одного, а нескольких хереев. Там проводились судебные разбирательства, совершались жертвоприношения, заключались торговые сделки и обсуждались разные прочие дела, и по мере того, как возрастала значимость каждого такого центра, росло влияние рода, главенствовавшего в нем. В Норвегии и Швеции происходило нечто подобное. Одни местные вожди обретали могущество и авторитет за счет других. Каждое сообщество стремилось защитить себя от нападений, а при случае расширить свои владения. Вероятно, на Зеландии и в Ютландии в разное время возникало множество «королевств», каждое – со своим «конунгом»; в Ютландии, как известно, некоторые из них просуществовали, пускай и с перерывами, до X в., до времен Горма Старого. И возможно, чтобы лучше понять географию этих мелких королевств, достаточно составить карту областных тингов и ярмарок. Исходя из 1000 г. можно с большой долей вероятности утверждать, что среди искомым нами центров были Хедебю, Риббе, Орхус, Выборг, Аггерсборг, Линдхольм Хёйе в Ютландии, Роскилле и Рингстед на Зеландии, Оденсе на Фюне и, несомненно, Лунд в Сконе, хотя, как мы знаем, судьба многих из них оказалась достаточно сложной и некоторые со временем даже поменяли свое местоположение.

Первые мелкие королевства появлялись, сливались, делились и исчезали, как пузыри на воде. Не исключено, что большинство распрь и битв, о которых потом складывались героические песни и предания, на деле были заурядными усобицами местных вождей. Случалось, какой-либо из правящих родов преуспевал настолько, что под его властью оказывалась достаточно большая часть датских земель. Вероятно, к числу таких победоносных конунгов-завоевателей следует отнести легендарных Хрольва Жердинку и Харальда Боевой Зуб, если они, конечно, на самом деле существовали. При этом их успех и триумфальные победы обеспечивались не только грызущими щиты берсерками или обманчивым благоволением кого-нибудь из богов или покровительством валькирий, а в основном хорошими урожаями и процветающей торговлей, дававшими необходимые для войны ресурсы. Согласно легендам, ни один конунг, правивший в Дании, не продержался у власти достаточно долго, что вполне соответствует не только законам героического мира, где за триумфом неизбежно следует поражение и гибель, но и реальной политико-экономической ситуации, характерной для Дании этого периода.

Теперь, имея в виду все вышесказанное, можно вернуться к героям и королям. Хитросплетения датской истории на протяжении ста пятидесяти лет после смерти Хрольва (ок. 550 г.?) ставили в тупик средневековых историков, и мы, надо признать, в этом смысле недалеко ушли. Достаточно очевидно, что в этот период имела место жестокая борьба за власть, но о ее участниках и перипетиях нам ничего не известно²⁰. Даже когда речь заходит об Иваре Широ-

²⁰ Датские конунги в Хронике конунгов Лейре и Анналах Лунда по живописности ничем не уступают шведским из «Саги об Инглингах». Пятеро из них настолько впечатляют, что их просто нельзя обойти молчанием. Маленькая собачонка Ракке, которую шведы поставили править данами; песик честно исполнял свою роль до тех пор, пока однажды не разъярился настолько, что спрыгнул со стола на пол зала – там не столь высокородные, но куда более внушительных размеров псы разорвали его на куски и отправили в Хель (похожий сказочный сюжет встречается в более поздней истории о трендах). Ему насле-

кие Обьятъя, жившем в VII в., мы блуждаем в царстве фантазий. Он был, как нам говорят, королем Сконе, когда Ингьяльд по прозвищу Коварный из рода Инглингов правил шведами в Уппсале. Ингьяльд расширил пределы своего королевства, убив двенадцать других королей разными бесчестными способами. После того как на него обрушился гнев Ивара, он удалился в свои палаты, пригласив с собой дочь и своих людей, и когда присутствующие вусмерть упились, поджег дом и все они сгорели. «Сага об Инглингах» сообщает, что эта нелепая пиромания стоила Митингам их королевства в Уппсале и все конунги, правившие в Швеции и Дании с той поры, были потомками Ивара. Далее рассказывается, что он завоевал Швецию и стал властителем всей Дании. Он также захватил большую часть страны Саксов, Восточную Державу (вероятно, земли к востоку от Балтийского моря, в том числе какую-то толику русских земель), и пятую долю Англии – традиционное описание Нортумбрии. Большинство этих утверждений – очевидная нелепость. Авторы «Саги о Скьельдунгах» и «Круга Земного» увенчали легендарного Ивара лаврами победителя, примерно так же, как Гальфрид Монмутский приписал бриттскому Артуру завоевание Ирландии, Исландии, Готланда, Фарерских островов, Норвегии и Дании: подобные рассказы поражают воображение читателя, а кто и как сумеет их опровергнуть? Саксон Грамматик, как ни странно, не упоминает об Иваре вовсе.

О внуке Ивара, Харальде Боевой Зуб, он рассказывает много. Однако и здесь мы вынуждены отыскивать по крупицам реальные факты, вкрапленные в руду легенд. Реальный исторический Харальд, если он вообще существовал, был воинственным и гордым конунгом. Он победил соперников в Дании, в том числе на островах, в Ютландии и Сконе, после чего распространил свою власть на древнее королевство гаутов и, возможно, на саму Уппсалу. Харальд дожил до глубокой старости, оставаясь правителем скорее раздробленной империи или конфедерации, нежели единого королевства: местные короли признавали его верховную власть и ждали случая ее оспорить. В конце концов это сделал родич Харальда – Сигурд Кольцо. Ранние источники практически единодушно называют его племянником Харальда; но в более поздних он становится конунгом Дании, или Швеции, или Восточного Гаутланда, или Швеции и Восточного Гаутланда вместе. Первое представляется наиболее вероятным. Если Сигурд реально был, он правил к востоку от Эресунна.

давал Снию, которого съели вши на тинге в Ютландии; и, наконец, самый знаменитый из всех, Амблотий Ютландец (Амлет Саксона Грамматика), сын Хорвендила, племянник Фенга, муж британской принцессы, любовник шотландской королевы, данник Рорика, жертва Виглейка, вдохновивший Шекспира, – Гамлет, принц Датский. Ракке и Снию правили до Хрольва, Гамлет – несколько позже. Затем появляется еще слепой Вермунд и его сын Оффа, который, как говорится в «Видсиде»: «мечом границы/ указал незыблемые/ землям мюръингов (народ родственник саксам),/ рубежи у Фифельдора (Эйдер)». (Пер. В.В. Тихомирова. Цит. по: Древнеанглийская поэзия. – М., 1982.)

Рис. 6. Бравелле

Соперничество Харальда и Сигурда разрешилось в сражении при Бравелле, занявшем, наравне с последним боем Хрольва в Лейре, свое место в легендарной героической истории севера. Подданные Харальда, говорят нам, в конце концов невзлюбили его за то, что он был стар и жесток, и решили избавиться от него каким-нибудь неблагоприятным образом. Он же предпочел умереть в бою и послал вызов конунгу Сигурду. Тот и другой собрали себе большое войско; на обеих сторонах сражались лучшие воины северных народов: германцы, славяне, жители Курляндии, Ливонии и тогда еще неизвестной Исландии, одетые в железо амазонки, и сам одноглазый бог войны явился на поле сражения в образе Харальдова возничего. Флот Харальда заполнил весь пролив между Зеландией и Сконе, так что его можно было перейти посуху, паруса шведских кораблей закрыли горизонт. Оба войска подошли к месту битвы, вероятно, неподалеку от Бравелле к северу от современного Норркёпинга на северо-восточной границе Восточного Гаутланда. Там они выстроились в боевой порядок, после чего Харальд и Сигурд обратились каждый к своим воинам с речью. Заиграли трубы и жаждущие крови копья устремились в бой. «Казалось, небо пало на землю, поля и леса поглотила бездна; все смешалось, и первоначальный Хаос вновь завладел миром. Небеса и твердь слились в неистовом буйстве, и вселенная обратилась в руины»²¹. Сражение закончилось только после гибели Харальда: он упал со своей колесницы, и Один-возничий убил его дубинкой, после чего старый конунг присоединился к его дружине в Вальгалле. Сигурд похоронил своего дядю с честью: согласно исландским источникам, он возложил его тело на колесницу и отвез кайрну к месту погребения со всевозможными сокровищами – дарами от победителей; Саксон говорит, что его сожгли на роскошном погребальном костре, а прах отправили в Лейре²².

«На этом закончилась бравелльская война». И на этом заканчивается глава. Хронологические выкладки указывают на то, что сражение при Бравелле происходило в начале VIII в., но с тем же успехом его можно датировать VII и даже VI в. Единственное, что мы можем сказать с уверенностью, – «это была славная победа», и со смертью Харальда Боевой Зуб очередная датско-шведская конфедерация рассыпалась в прах.

²¹ См. *Саксон Грамматик*. Кн. VIII.

²² Курган Харальда Боевой Зуб на знаменитой «панораме» Лейре Оле Ворма (1643 г.), останки которого сохранились и по сей день, на самом деле представляет собой вовсе не погребение VII или VIII в., а langdysse каменного века.

В заключение несколько слов следует сказать о Норвегии. На протяжении всего рассматриваемого периода мы отмечаем там первые неудачные попытки отыскать в кипящем котле смут пути к объединению отдельных маленьких королевств. Устанавливаются торговые связи с Европой; прекрасные творения ремесленников оседают в богатых резиденциях и роскошных погребениях; а внимательный наблюдатель может уже увидеть намеки на то, что выходцы из Вестфольда на западном берегу Ослофьорда станут в будущем главными создателями норвежского королевства, а уроженцы Халогаланда в 500 километрах к северу от Вестфольда в сторону Трёндалёга будут основными их соперниками. Но в те ранние времена, о которых здесь шла речь, едва ли можно отметить какие-либо значимые политические изменения к северу от Скагеррака, и рассмотрение истории Норвегии придется отложить до следующей главы, посвященной викингским королевствам IX–X вв.

Часть вторая

Викинские королевства до конца X в.

Глава 1

Скандинавское общество, I: Различия и единство

До сих пор, говоря о трех скандинавских народах, мы молчаливо предполагали, что, несмотря на все их различия, невзирая на то, что составлявшие их племена и сообщества практически непрерывно воевали со своими соседями, боролись за власть, захватывали новые земли и переселялись в другие области, мы вправе представлять Скандинавию как нечто единое. Теперь, прежде чем обратиться вновь к рассмотрению политической истории, следует пояснить эту мысль.

Первое и очевидное, что объединяет скандинавские страны, – их географическое положение на севере Европы. С этим, конечно, нельзя спорить, однако соседство их было далеко не таким тесным, как у королевств Британских островов или у городов-государств Италии. Древний Кимврийский полуостров – современная Ютландия – является продолжением Северо-Германской низменности, и никакие войны, ведшиеся с начала IX до середины XX в., не нарушили этой естественной природной связи. Плодородные равнины датских островов Фюна, Зеландии, Бронхольма, шведского Сконе напоминают скорее южные побережья пролива Фемарн-Бельт и Прибалтику, чем Норвегию и шведский Нордлэнд. Горы, похожие на обращенный в небо корабельный киль, тянутся с севера на юг от Финнмарка до Ставангра и Вермланда, и на протяжении всего Средневековья восточные и западные области Скандинавского полуострова были практически полностью изолированы друг от друга²³. При этом с востока никакой естественной преграды между Швецией и Финляндией нет – границей служат реки Муонио и Торн, впадающие в Ботнический залив в дальнем его конце. В каком-то смысле Скандинавия без Дании, но вместе с Кольским полуостровом и землями к западу от оси, соединяющей Кандалакшский и Финский заливы, представляла бы более логичное и гармоничное объединение, нежели три скандинавские страны, какими мы их знаем. Но логика мало что значит в человеческих делах, и едва ли сообщество прибалтийских народов, возникни оно вместо скандинавского, оставило бы такой след в истории Средневековья и последующих времен.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении оказывается, что география северного региона едва ли могла способствовать объединению. Природные условия внутри его также сильно отличаются. Саксон Грамматик писал в прологе к «Деяниям данов» (ок. 1200 г.):

«Страна эта частью граничит с другими землями, частью омывается морями. Океан здесь образует множество узких заливов, и под его напором земная твердь раскололась на острова. Дания поэтому состоит из множества земель, разбросанных в беспорядке среди бушующих океанских вод. Ютландия, самая обширная из земель, была заселена первой и главенствует в датском королевстве. Она граничит с землей тевтонов, от которой ее отделяет река Эйдер.

---

²³ Два возможных пути из Норвегии в Швецию проходили через Грандхейм или к югу от озера Мьёса. Тяготы южного пути – из Норвегии через Эйдский лес в Швецию – описаны в «Саге об Эгиде» (LXX–LXXVI) и в «Висах о поездке на Восток» скальда Сигвата сына Торда (они приводятся также в «Саге об Олаве Святом»). Сигват с жаром живописует мозоли, раны, усталость, голод и коварство местных жителей-язычников. Эгиль, человек более твердый, пробивался через снежные заносы, изнедав по пути голод, холод и предательство. Оба рассказа с литературной точки зрения замечательны, но к ним следует подходить с большой долей скептицизма.

Ютландия немного расширяется к северу, и дальние ее берега омывает Северный пролив (Скагеррак). Там во фьорде, называемом Лим, рыба водится в такой изобилии, что для местных жителей она служит столь же привычной пищей, как и плоды земли...

К востоку от Ютландии находится остров Фунен (Фюн), отделенный от материка узким проливом. Его западное побережье обращено к Ютландии, а восточное – к Зеландии, цветущей земле, славящейся своей щедростью. Остров Зеландия – прекраснейшая из провинций нашей страны – расположен в самом сердце Дании, на равных расстояниях от всех ее границ; а к востоку от него за узкой полосой моря лежит Сконе. Здешние воды год от года радуют рыбаков богатым уловом, а временами рыбы бывает столько, что приходится грести изо всех сил, дабы наполненная сеть не утянула лодку за собой; и ловить рыбу можно безо всякой снасти, просто руками...

Карта 1. Скандинавия эпохи викингов

Однако, говоря об этих землях, нельзя не рассказать также о Норвегии и Швеции, близких соседях Дании, которые сродни ей также по языку. Поэтому я опишу их местоположение и климат, как я описал местоположение и климат Дании. Эти страны лежат возле Северного полюса под созвездиями Волопас и Большая Медведица. Самые удаленные их области попадают в зону вечной мерзлоты, и холода в этих краях такие лютые, что люди там жить не могут. Норвегию природа наделила бесприютными каменистыми равнинами; скалистые хребты окружают со всех сторон эти бесплодные земли, и одинокие утесы дополняют картину мрачного запустения. В дальних ее пределах дневное светило не заходит и ночью: солнце, презрев порядок чередования света и тьмы, изливает свое сияние постоянно во всякий час...

Скажем же теперь о Норвегии более подробно. Следует знать, что с востока она граничит со Швецией и Гаутландом и с двух сторон берега ее омывает океан. С севера же бурное море отделяет ее от неведомых безымянных земель, где живут, не ведая закона, чудовища-нехристи. Немногие отваживались пересечь эти бушующие воды, и еще меньше тех, кто невредимым возвратился назад.

Далее надо заметить, что верхний рукав Океана (т. е. Балтийское море и Ботнический залив), который пересекает Данию и течет вдоль ее берегов, образует у южного берега Гаутланда довольно широкий залив. Нижний рукав (т. е. Северный Ледовитый океан), омывающий северные побережья Гаутланда и Норвегии, затем сворачивает на восток, становится шире и доходит до границ круга земного. Этот край моря предки наши называли Гандвик (т. е. Белое море). Между Гандвиком и Южным морем лежит узкая полоса земли, и только благодаря тому, что природа воздвигла этот крепостной вал, воды двух морей не могут сойтись и отрезать Норвегию и Швецию от материка, превратив их в остров. На востоке этой земли обитают скритфинны (саамы). Этот народ использует для езды особенное приспособление (лыжи? сани? лапландские акја); кроме того, они страстные охотники и ради этого ухищряются взбираться кружными путями даже на самые неприступные вершины. Ибо, поднимаясь из долины, они сразу начинают кружить туда-сюда среди камней, петляя и сворачивая, пока не окажутся там, где нужно. Они также торгуют в соседних землях звериными шкурами и кожей.

Швеция граничит с Норвегией и Данией на западе, но с юга и востока ее омывает Океан. Еще дальше к востоку обитает множество варварских народов»²⁴.

Здесь уместно сделать три замечания. Если посмотреть на карту, Скандинавский полуостров протянулся с юго-запада на северо-восток, но в сознании людей традиционно существовало противопоставление «север» – «юг». Земли Дании и Швеции – к югу от Упсалы, Бронхольма, Эланда и Готланда – приветливы и изобильны. Гор там практически нет, и такие же плодородные равнины раскинулись по обе стороны от Ослофьорда и на норвежских побережьях до Трёндалёга. Северная часть полуострова гористая, холодная и угрюмая. Расстояния огромны. Достаточно напомнить, что от Мальме ближе по прямой до Турции, чем до Нордкапа, а из Осло проще добраться до Рима, чем до Киркенеса. Протяженность береговой линии Норвегии, без учета фьордов и заливов, составляет более 2500 километров. Крайняя южная точка Дании расположена на 55°, а самая северная точка Норвегии на 71° северной широты. Такие расстояния, как и бросающаяся в глаза разница ландшафтов, климатических зон, растительности и животного мира, скорее должны мешать ощущению единства, чем способствовать ему.

---

²⁴ Нечто похожее пишут и Адам Бременский в «Деяниях гамбургских архиепископов» (XI в.), и Снорри Стурлусон в «Круге Земном» (XIII в.). Эйнар в 820-х гг. («Vita Karoli Magni», cap. 12) говорит, что даны и шведы, «которых мы зовем нордманны», живут в северной Прибалтике и на островах, а на южном побережье Балтийского моря обитают славяне и прочие народы, самые известные из которых – вильцы (лютичи).

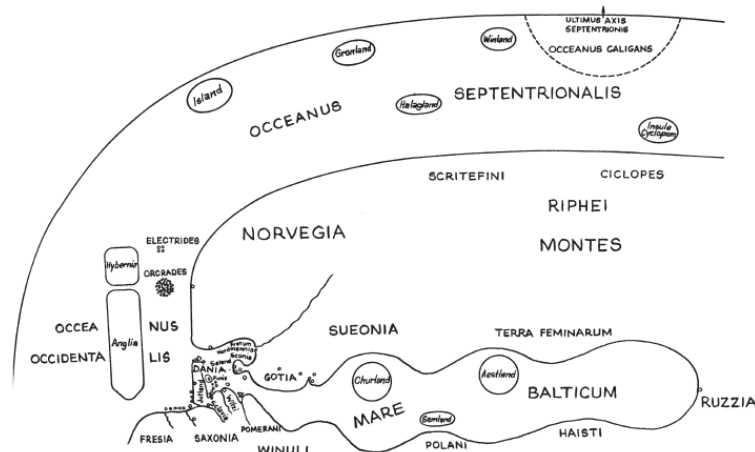

Рис. 7. Островные страны севе

Карта отражает представления Адама Бременского. Здесь приведена по А. Бьёрнбо

Даже современный путешественник, заточенный в собственном комфортабельном мирке, ощутит эти разительные контрасты, если отправится в путь, скажем, из тех мест, где когда-то располагался Хедебю и проходила южная датская граница²⁵, доберется поездом или на машине до Хлотсхольса на севере Ютландии, затем пересечет Скагеррак и из Кристиансанна продолжит плавание вдоль западного и северного побережий мимо Ставангра, Бергена и Трандхейма; пересечет Полярный круг и, посетив Маланген и Тромсё, обогнет бурю глыбу Нордкапа, а оттуда, повторяя маршрут Охтхере, двинется на запад к Вадсё и Белому морю. Не менее впечатляющие перемены он заметит, если сядет в Мальме на поезд и отправится в Стокгольм, оттуда – в Уппсалу, а затем на Эстерсунд и – железной дорогой – к горе Кируна, расположенной чуть южнее 68° северной широты²⁶. Дальше лежат Лапландия и Финмарк – не столь мрачные и неприглядные, как мы привыкли думать, но все же слишком угрюмые, чтобы норвежцы и шведы эпохи викингов отважились там поселиться. Все земли, лежащие севернее воображаемой линии, соединяющей на карте Осло и Стокгольм, находятся в широтном поясе Гренландии, Баффиновой Земли и Берингова пролива. Большая часть Скандинавского полуострова расположена в более высоких широтах, чем Камчатка. Но его западные побережья омывает Гольфстрим: море там никогда не замерзает и судоходно круглый год. На берегах Балтики также зимы не столь суровы, как в Гренландии, на севере Канады или в Сибири. Природа здесь, можно сказать, проявила милосердие. Примерно 150 000 островов, разбросанных вдоль берегов Норвегии (то же можно сказать и о балтийских побережьях Швеции и Богуслена), надежно защищают странствующие там суда от своевольных атлантических ветров и непогоды: видимо, Природа, сделав корабли практически единственным доступным средством сообщения, все же позаботилась о том, чтобы судоходство было возможно. Кроме того, она создала в этих водах настоящие рыболовецкие угодья; на юге бонды могли сеять хлеб, севернее разводили скот, на далеких северных плоскогорьях саамам оставалось только пасти оленье стада и добывать пушнину, но рыбы в море всегда хватало на всех.

²⁵ Нынешний Шлезвиг.

²⁶ Здесь просто перефразируется применительно к реалиям XX в. то, что было сказано еще в XI в. Адамом Бременским. «Когда покидаешь датские острова, направляясь в Швецию или Норвегию, перед тобой словно открывается иной мир. Эти обширные земли и теперь почти недоступны нашему знанию. Датский конунг (Свейн Эстридеен), сведущий в таких делах, говорил мне, что на то, чтобы пересечь Норвегию, требуется не менее месяца, а подобное странствие по шведским землям займет по меньшей мере два».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.